

в одних и тех же выражениях — дается оценка известий хроники Альберта Аахенского как основанных на свидетельствах очевидцев (стр. 252, примечание 12 и стр. 253) и т. п.

В некоторых случаях обнаруживается хронологическая разногласия, которая встречается как раз в повторяющихся местах: на стр. 23 основание Ключийского монастыря приурочено к 910 г., на стр. 74 — к 911 г., на стр. 148 взятие сельджуками Ани датировано безоговорочно 1065 г., а на стр. 190—1064 (1065) г.

Не свободна книга и от чисто редакционных недосмотров. На стр. 221 указывается, что работа Э. Джорансона о письме Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому напечатана на стр. 1—43 „American Historical Review“ за 1950 г. (№ LV), а на стр. 228, в примечании 14 сделаны ссылки уже на стр. 811—832 того же издания журнала, где будто бы опубликована эта работа. Примечание 16 на стр. 333 вообще не имеет никакого отношения к тексту этой страницы, а должно, скорее всего, быть отнесено к стр. 330.

Подводя итоги, можно отметить, что рецензируемая книга представляет значительный интерес преимущественно как фундаментальная сводка фактического материала по истории первых крестовых походов и как начало обширного труда по истории крестоносного движения в целом. Что же касается ее идейного содержания, то, несмотря на немалое количество ценных реалистических соображений, в целом она не возвышается над общим уровнем современной буржуазной историографии крестовых походов с ее методологической беспомощностью, эклектизмом и заметными во многих случаях реакционными политическими тенденциями.

М. А. Заборов

HUGO BUCHTHAL. MINIATURE PAINTING IN THE LATIN KINGDOM OF JERUSALEM.

Clarendon press: oxford university press, 1957, XXXIV + 163 стр. + 155 таблиц

Известный исследователь средневековой миниатюры Гуго Бухталь, перу которого принадлежит ряд ценных работ,¹ недавно выпустил монументальный труд, посвященный миниатюрной живописи Иерусалимского королевства. Это эфемерное христианское государство, существованию которого все время угрожали мусульмане, в конце концов его поглотившие, уже давно привлекает к себе внимание ученых. Возникнув в результате Первого крестового похода, оно проводило политику жестокого подавления местного населения и пыталось насадить на Востоке развитые феодальные отношения Запада, создать здесь крупные очаги западной культуры.

Как в любом средневековом государстве военного типа ведущая роль в искусстве принадлежала крепостной архитектуре, в которой крестоносцы широко использовали византийскую строительную практику, умело приспособивая ее к своим целям и задачам. В области церковного зодчества и монументальной пластики крестоносцы придерживались французской традиции, которая была их родной, национальной традицией. Как свидетельствуют фрагменты мозаик в церкви

¹ H. Buchthal. The Miniatures of the Paris Psalter. A Study in Middle-Byzantine Painting. London, 1938; H. Buchthal and O. Kurz. A Hand List of Illuminated Oriental Christian Manuscripts. London, 1942; H. Buchthal. A School of Miniature Painting in Norman Sicily. „Late Classical and Mediaeval Studies in Honor of Albert Mathias Friend, Jr.“. Princeton, 1955, p. 312—339 и мн. др.

Рождества Христова в Вифлееме, они не отказывались от использования и византийских мастеров. Таким образом, их искусство совмещало в себе самые противоречивые стилистические элементы, восходившие к различным источникам.

Из выполненных в Иерусалимском королевстве лицевых рукописей известна была лишь Псалтырь королевы Мелисенды (вторая четверть XII в.). Сгруппировав вокруг нее ряд родственных ей по стилю манускриптов, Бухталь поставил своей задачей проследить пути развития миниатюры в Иерусалимском королевстве не только в XII, но и в XIII столетии. С этой целью он проделал огромную работу по выявлению фонда рукописей, которые на основании записей или по соображениям литургического порядка, либо в силу стилистических признаков могут быть связаны со скрипториями Иерусалима и Акры, где находились главные культурные центры латинян. В результате весьма кропотливого анализа изученных им памятников Бухталю удалось внести ценный вклад в изучение средневекового искусства.

Историю Иерусалимского королевства, просуществовавшего около двухсот лет (1099—1291), Бухталь делит на два больших периода. На протяжении первого периода (до 1187 г. когда мамелюки захватили Иерусалим) выпускавший иллюстрированные рукописи скрипторий находился в Иерусалиме при храме Гроба Господня; на протяжении второго периода местом пребывания этого скриптория был сначала тот же Иерусалим, между 1229 и 1244 гг. опять находившийся в руках крестоносцев, а с середины XIII века им стала Акра, важный приморский город в Сирии, лишь в 1291 г. захваченный мусульманами.

Главное произведение иерусалимского скриптория первого периода его существования — Псалтырь королевы Мелисенды (Британский Музей, Egerton 1139). Эту рукопись Бухталь датирует 1131—1143 гг. Цикл евангельских сцен, принадлежащий художнику Василию, автор возводит к византийским лицевым евангелиям XI в. В результате тонкого художественного анализа Бухталь убедительно показывает, что греческие прототипы были переработаны Василием в романском духе и что сам он был уроженцем Запада. Остальные миниатюры Псалтыри были выполнены еще тремя мастерами, западное происхождение которых не вызывает никаких сомнений. Их работы обнаруживают знакомство с рукописями, вышедшими из школы Монте Кассино. С деятельностью иерусалимского скриптория второй четверти XII в. Бухталь убедительно связывает еще несколько лицевых рукописей [Сакраментарий (Служебник) в Библиотеке Анжелика в Риме (Д. 7, 3), Требник в Парижской Национальной библиотеке (lat. 12056), Евангелие от Иоанна (там же, lat. 9396)]. И здесь западные черты преобладают над византийскими (особенно в орнаментике), причем главные творческие импульсы миниатюристы черпали из южноитальянских и английских рукописей (школа Кантербери). Последний факт Бухталь объясняет тем, что основателем скриптория при храме Гроба Господня был, по асей видимости, настоятель этого храма английский монах Вильям, сделавшийся в 1127 г. архиепископом Тира.

Несколько более поздний этап в развитии этого же скриптория освещают, по мнению Бухталя, Евангелие в Парижской Национальной библиотеке (lat. 276) и Евангелие в Ватикане (Vat. lat. 5974). Обе эти рукописи, очень близкие по стилю, автор относит к третьей четверти XII в. Изображения евангелистов Бухталь рассматривает как свободные копии с византийских образцов (фигуры четырех стоящих евангелистов в Cod. Vat. lat. 5974 прямо скопированы с миниатюры Cod. Vat. gr. 756). По-видимому, здесь имело место особенно тесное сотрудничество с греческими мастерами, иначе трудно было бы объяснить

факт принадлежности одной из миниатюр парижского Евангелия (полуфигура Христа в заставке, табл. 39а) греческому художнику. Любопытно, что под влиянием последнего орнаментальный декор евангелий насыщается чисто византийскими мотивами, хотя сама система декора остается западной, выдавая особую близость к произведениям „умбромимской“ школы. В этих же двух евангелиях Бухталь проследивает руку армянского мастера, выполнившего сильно стилизованные начальные строки в отдельных главах, а также ряд инициалов (табл. 38, 44а, 45с, 46, 47а). Этот факт, на котором мы остановимся еще подробнее, бросает совсем новый свет на один из источников западных новшеств в киликийской миниатюре. Самым концом XII в. Бухталь датирует Требник в Неаполе (VI G11), полагая, что он был написан и иллюстрирован уже на почве Акры, куда переехал двор после захвата мусульманами Иерусалима и куда был переведен иерусалимский скрипторий.

В 1229 г. император Фридрих II заключил с султаном Египта договор, согласно которому он вступил во владение прославленными „святыми местами“ — Иерусалимом, Вифлеемом и Назаретом. Таким образом, создалась возможность для возвращения скриптория в Иерусалим, оставшийся в руках крестоносцев до 1244 г., когда он вновь попал в руки мусульман. С данным этапом в жизни многострадального города связана Псалтырь Библиотеки Риккардиана во Флоренции (323). Эта первоклассная рукопись была, по мнению Бухтали, выполнена в 1235—1237 гг. для императора Фридриха II и предназначена для свадебного подарка по случаю бракосочетания императора с английской принцессой Изабеллой (это была третья женитьба Фридриха). Вкомпанованные в инициалы либо данные в качестве самостоятельных разделителей текста евангельские сцены никак не обусловлены содержанием Псалтыри, что встречается лишь в немецких рукописях этого рода. Хотя и здесь чувствуется основательное знание византийских образцов, последние используются весьма творчески, подвергаясь радикальной переработке. Бухталь высказывает не лишнее оснований предположение, что автором миниатюр был уроженец Сицилии, занесший на далекий Восток те художественные принципы, которые культивировались при дворе Фридриха. Со скрипторием, находившимся в Иерусалиме между 1229 и 1244 гг., автор связывает еще два манускрипта — Служебник в Британском Музее (Egerton 2902) и Понтификалий в собрании проф. Уормльда в Лондоне.

Все остальные из изученных Бухталем рукописей возникли уже на почве Акры и датируются второй половиной XIII в. (до 1291 г.). Это Требник в Библиотеке Капитоларе в Перудже (6) с очень интересным изображением распятия, на котором ноги Христа прикреплены к кресту, согласно готической схеме, одним гвоздем; Требник в Британском Музее (Egerton 3153) и близкие к нему по стилю Псалмы, Малые Пророки и Книга Маккавеев в Библиотеке Капитоларе в Падуе (С. 12); богато иллюстрированная Библия в Библиотеке Арсенала в Париже (5211), возможно, выполненная для французского короля Людовика IX, находившегося в Палестине между 1250 и 1254 гг.; три экземпляра иллюстрированной Всеобщей истории в Городской библиотеке Дижона (562), Королевской библиотеке в Брюсселе (10175) и Британском Музее (Add. 15268)², содержащие интереснейший для историков иллюстративный материал, возможно, воспроизводящий миниатюры утраченного французского прототипа второй четверти XIII в.; наконец, три

² Экземпляр в Британском Музее, наиболее совершенный по качеству выполнения, Бухталь склонен датировать 1286 г., когда пятнадцатилетний Генрих II был коронован в Тире.

экземпляра „Истории деяний, совершенных за морем,“ французского историка Вильгельма Тирского в Парижской Национальной библиотеке (franç. 2628 и franç. 9084) и в Лионской городской библиотеке (828). Во всех этих рукописях западные черты безраздельно господствуют над византийскими и восточными. Строго говоря, мы имеем здесь дело с французскими манускриптами, написанными французскими писцами и иллюстрированными французскими миниатюристами, но не на родине, а на далекой чужбине. И если в отдельных случаях (как, например, в Библии из Библиотеки Арсенала) эти миниатюристы использовали греческие образцы (в Библии они отправлялись от лицевого Октатевха IX—X вв.), то, как правило, они перелицовывали эти образцы на свой, „французский“ лад. Поэтому их работы решительно выходят за пределы византийской художественной культуры, с произведениями которой они не имеют уже ничего общего. И в этом коренное отличие латинских рукописей второй половины XIII в. от манускриптов XII столетия, обязанных еще очень многим Византии.

В книге Бухталя тщательный филологический анализ рукописей удачно сочетается с тонким художественным анализом украшающих их миниатюр. В этом немалая заслуга проф. Френсиса Уормльда, оказавшего автору большую помощь по линии текстологии, палеографии и литургики, что позволило точно опознать место изготовления ряда манускриптов. Такая совместная работа филолога и историка искусства, абсолютной необходимая при серьезном научном изучении средневековых рукописей, привела в рецензируемом нами исследовании к особо плодотворным результатам.

За немногими исключениями, опубликованные Бухталем лицевые рукописи не могут быть причислены к шедеврам средневекового книжного искусства. Но они очень интересны в историческом плане, поскольку бросают свет на культуру осевших в Палестине крестоносцев. Эта культура была наносным явлением, не имевшим глубоких народных корней. Она питалась различными, порою самыми противоречивыми источниками, что наложило на изготовленные в Палестине рукописи печать явного компромисса. На последнем этапе развития латинского скриптория западные элементы почти полностью вытеснили византийские и восточные, что, разумеется, было закономерным, поскольку со второй половины XIII в. ведущая роль перешла к Западной Европе, с которой Византии становилось все труднее и труднее соперничать.

Из сделанных Бухталем сопоставлений латинских манускриптов с византийскими лишь одно вызывает у нас большие сомнения. Это утверждение автора (стр. 84—85), будто Библия из Библиотеки Арсенала обнаруживает следы влияния раннепалеологовского искусства. С данным положением трудно согласиться, так как к моменту изготовления этой Библии (около середины XIII в.) не только палеологовский, но даже и предпалеологовский стиль еще не сложился. К тому же в миниатюрах Библии нет никаких специфически палеологовских черт; те же аналогии, на которые ссылается автор (Евангелие в Walters Art Gallery в Балтиморе, Ms. 531, мозаический Деисус в южной галерее Софии Константинопольской), никак не могут быть в данном случае использованы, поскольку датировка этих произведений XIII в. остается более чем спорной.

Работа Бухталя имеет совсем особое значение для историков армянской миниатюры. Уже неоднократно отмечалось, что в киликийских рукописях второй половины XIII в. дают о себе знать западные влияния, однако пути проникновения этих влияний в Армению оставались неясными. Несомненно, проходившие через Киликию во время первого крестового похода западные рыцари могли ознакомить армян с образ-

цами книжного искусства, но это были образцы XI в. В дальнейшем культурные связи Киликии с крестоносцами не прерывались как в течении XII, так и на протяжении XIII столетия. Как раз в это время изготовленные в скрипториях Иерусалима и Акры манускрипты могли легко попадать в Киликию, тем более что армянские художники принимали в отдельных случаях участие в декорировании таких рукописей (например, парижского и ватиканского евангелий). Чтобы проверить верность данного положения, необходимо провести тщательный сравнительный анализ иерусалимских и акрских рукописей с киликийскими. И тогда, быть может, появление в киликийских миниатюрах изображений распятий с одним гвоздем найдет себе объяснение, так же как станет легче понять и проникновение в киликийскую миниатюрную живопись таких орнаментальных мотивов, в западном происхождении которых трудно сомневаться. Во всяком случае богатейший материал, собранный Бухталем, позволяет совсем по-новому ставить ряд вопросов, в частности, и в отношении культурных связей между Иерусалимским королевством и Киликийским армянским государством.

Книга Бухталя напечатана очень хорошо, что делает честь оксфордскому издательству. Все миниатюры воспроизведены в натуральную величину, и это позволяет изучить самые тонкие детали. К счастью, отсутствуют столь модные на Западе цветные воспроизведения, как правило, искажающие оригиналы и только портящие вкус широкой публики. Строгое и благородное оформление книги гармонирует с ее серьезным научным тоном. Сделанная в сотрудничестве с Институтом Варбурга работа Бухталя значительно обогащает наши представления о средневековом искусстве.

В. Н. Лазарев
